

УДК 398.221(=581)

Л. С. ЖУРКО

АРХАИЧЕСКИЕ СОЛЯРНЫЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ПАМЯТНИКЕ «ШАНЬХАЙЦЗИН»

В статье предпринята попытка систематизации и анализа солярных мотивов в китайском памятнике «Шаньхайцзин» («Каталог гор и морей»). В тексте показаны наиболее архаичные знания китайцев, что выделяет его из ряда других ранних китайских сочинений. По записи «Каталога гор и морей» самые древние солярные мотивы связаны с образами деревьев (Шелковица Фу, дерево Фу), птиц (воронов), антропоморфных или полуантропоморфных существ (Сихэ). Их описание находит отражение в главах, посвященных характеристике Востока, Запада и Юга, что соответствует древнекитайским представлениям о движении солнца. Солярные мотивы «Каталога гор и морей» свидетельствуют о наличии у древних китайцев развитого культа солнца.

Ключевые слова: китайская мифология, солярные мотивы, «Шаньхайцзин».

L. S. ZHURKO

ARCHAIC SOLAR MOTIFS IN THE ANCIENT CHINESE MONUMENT «SHANHAIJING»

The article attempts to systematize and analyze solar motifs in the Chinese monument «Shanhaijing» («Classic of Mountains and Seas»). The text shows the most archaic knowledge of the Chinese, which distinguishes it from a number of other early Chinese works. According to the record of the «Classic of Mountains and Seas» the most ancient solar motifs are associated with images of trees (Silk Fu, Fu tree), birds (ravens), anthropomorphic or semi-anthropomorphic creatures (Xihe). Their description is reflected in the chapters devoted to the characterization of the East, West and South, which corresponds to ancient Chinese ideas about the movement of the sun. The solar motifs of the «Classic of Mountains and Seas» testify to the presence of a developed sun cult among the ancient Chinese.

Keywords: Chinese mythology, solar motifs, «Shanhaijing».

Как правило, архаические солярные представления связаны с вегетативными, чаще зооморфными, образами, которые со временем антропоморфизируются. Часто их вариативность зависит от местных географических и кли-

матических условий той или иной территории. В китайской мифологии именно южные народности обладают богатым разнообразием сюжетов о солнце, его происхождении. Солярные мотивы встречаются в творчестве Цюй Юаня (IV–III вв. до н. э.), в ханьском памятнике «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.) и т. д.

Традиция записи «Шаньхайцзин» («山海经», «Каталог гор и морей») фиксирует самые ранние представления о солнце, которые ассоциируются с деревьями. М. Е. Кравцова связывает культ Солярного древа с верованиями династии Шан (商), что подтверждается пиктограммами на гадательных костях [4, с. 172]. Древние мифологемы обнаруживаются в «Каталоге Заморья Востока», где говорится об огромном дереве Фусан (扶桑, Шелковица Фу), на нижних ветках которого живут девять солнц, а на верхней – одно [3, с. 132]. Возможно, иньцы почитали шелковицу как тотемное дерево, что прослеживается в разных мифах и преданиях (об основателе династии Тан-ване, его сановнике И Ине, в истории Хоу И и др.). В «Каталоге Великих пустынь Востока» упоминается Фуму (扶木, дерево Фу) высотой в триста ли [3 с. 144]. Эти записи отражают древнейшие представления о движении светил, что делает «Шаньхайцзин» уникальным памятником среди остальных. Исследователи считают, что деревья Фусан и Фуму, являются одним и тем же деревом, а расхождение в названиях связывают с разными местными традициями [3 с. 220]. Название деревьев 扶 фу (одно из значений знака – ‘поддерживать’, ‘подпирать’) намекает на их космологическую функцию – служить опорой неба. В образе мирового древа нашло отражение архаичное представление о модели мира.

Архаичными являются и солярные представления, связанные с образами птиц. В китайской мифологии это вороны (обычно с золотым оперением). Мотивы, когда символом солнца выступает ворон, имеют место в «Хуайнаньцзы», на погребальных рельефах эпохи Хань [5, с. 42]. В «Каталоге Великих пустынь Востока» сказано: «...Как только одно солнце заходит, другое солнце всходит. Каждое несет на себе воронов» [3 с. 144]. В данном случае памятник фиксирует ту форму верований, когда божество «мыслится отделенным от своей “вещи”» [9, с. 113], то есть солнца являются местом пребывания своих духов-божеств – воронов. Можно предполагать, что солнца изначально и мыслились в образе воронов. Интересно, что они не стали объектом культа.

В «Шаньхайцзин» описывается еще один этап развития солярных представлений – появляется образ божества, рождающего солнце. Согласно «Каталогу Великих пустынь Юга» Сихэ (羲和) родила десять солнц [3, с. 149]. Определенное количество солнц А. А. Серкина связывает с разными методами счета времени, а именно разным количеством дней в неделе, когда одни народности называли дни недели из десяти дней «солнцами», а другие народности дни недели из двенадцати дней называли «лунами» [6, с. 75]. В том же фрагменте «Каталога Великих пустынь Юга» говорится, что есть и царство под названием Сихэ [3, с. 149], что не может не говорить о важности героини как прародительницы солнц. В памятнике не приводится описание ее

внешности, однако указывается, что это была женщина. Запись «Каталога» фиксирует один из этапов развития данного персонажа в виде антропоморфного облика женщины. Э. М. Яншина не исключает возможность, что раньше Сихэ представлялась в виде получеловека-полуптицы [3 с. 282]. В том же фрагменте указывается, что Дицзюнь (帝俊, Предок Выдающийся) является ее мужем. «Шаньхайцзин» одним из первых фиксирует сюжет, который стал каноническим в китайской мифологии, но здесь не прослеживается мотив, когда Сихэ становится кучером колесницы солнца, что говорит о ранней традиции в записи памятника. В конфуцианской литературе образ претерпевает изменения и превращается в четырех астрономов: двух братьев Си и двух братьев Хэ, ведавших временем.

Упоминание десяти солнц встречается в «Каталоге Заморья Запада». *«Труп Матери Второй был заживо сожжен десятью солнцами»* [3, с. 126]. По-видимому, в этом отрывке под Нюйчоу (女丑, Мать Вторая) подразумевается женщина из древнего общественного строя. Ученые полагают, что составлением древнейших календарей и созданием древнего счета времени занимались именно женщины по причине регуляции брачных обязательств и фаз беременности. Называние дней недели осуществлялось циклическими знаками, которые в свою очередь являлись одновременно именем женщины-матери. Такое явление связано с верованиями и ритуалами по отношению к беременности и рождению ребенка [6, с. 77]. Отсюда следует, что «Каталог» фиксирует одну из древних традиций табу, связанных с вынашиванием потомства.

Миф повествует о времени, когда все десять солнц находились на небе: *«Десять солнц живут наверху (на небе?), а Мать Вторая – на вершине горы»* [3, с. 126]. Э. М. Яншина ставит под сомнение перевод «на небе», так как в оригинальном тексте нет конкретного слова 天 *тянь* ‘небо’, а только 上 *шан* ‘верх’ [1]. Однако архаические тексты часто для обозначения «по направлению к небу» используют 上 *шан* ‘верх’, а «по направлению к земле» – 下 *ся* ‘низ’. Профессор Юань Кэ в своей работе «Мифы Древнего Китая» утверждает, что Нюйчоу была шаманкой. Основным его доводом были древние традиции моления о дожде, когда сжигали шаманок на солнце или на костре [8, с. 310]. Вышеприведенный отрывок мифа о сожжении Нюйчоу десятью солнцами явно отображает попытки проведения шаманского ритуала призвания дождя, что говорит о древней традиции записей «Шаньхайцзин» о роли шаманов в архаическом обществе.

В «Шаньхайцзин» отражены и некоторые «привычки» солнц, например, их купание в водоемах. Две записи «Каталога...» имеют разную традицию. В «Каталоге Заморья Востока» солнца купаются в Тангу (湯谷, Долина Кипящих ключей) у Фусан (Шелковицы Фу), что связано и с записью в «Каталоге Великих пустынь Востока»: *«[Там] есть долина под названием Долина Теплых источников. В Долине Кипящих ключей растет дерево Фу»* [3 с. 144]. В «Каталоге Великих пустынь Юга» они омываются в Ганьюань (甘淵, Благостный водоем) [3, с. 132, 149], [10]. Процесс омовения здесь выступает в качестве обряда для очищения и восстановления сил после пребывания в ми-

ре мертвых, это своеобразный «воскрешающий» обряд [9, с. 111]. Похожий мотив можем найти в египетской мифологии, где бог солнца Ра каждый вечер умирает и после некоторых солнечных обрядов вновь становится живым, чтобы появиться на небосводе [2, с. 143–144]. Мотив имеет связь с универсальными представлениями о ночном пребывании солнца в подземном мире, который отделен от мира живых водной преградой: рекой, морем, океаном. Из представлений о каждодневной смерти и возрождении солнца появились мифы о «возвращении» солнца. Данные мотивы можем найти в мифах о Куафу, о Хоу И, в записях о боге облаков Вэйши, который управляет возвращением солнца [9, с. 111].

Мифу о Сихэ и ее десяти сыновьях-солнцах противоречит другая запись в «Каталоге Великих пустынь Востока», в которой говорится: «*В Великой пустыне высится гора под названием Ворота Итяньсу, [где] рождаются солнце и луна*» [3, с. 145]. Вообще, в «Каталоге...» есть множество гор или других географических объектов, где восходит и заходит солнце, что, возможно, свидетельствует о смешении различных традиций.

Как правило, упоминания мест восхода и захода связаны не только с солнцем, но и с луной. Главы, посвященные Востоку, описывают место восхода светил, в первую очередь, это «Каталог Великих пустынь Востока». Всего гор, откуда восходят солнце и луна, насчитывается восемь. В их названиях представлены иероглифы, значения которых могут быть связаны со светом, небом, востоком. В этом отношении отличается наименование горы Лимао (離瞽), перевод которой Э. М. Яншина не приводит. В соответствии с современными словарями, значение иероглифа 離 *ли* может интерпретироваться как ‘разлучаться’, ‘отлучаться’, в то время как 瞽 *мао* – ‘беспорядочный’, ‘хаотический’ [1], [10]. Отсюда мы смеем предположить, что восход солнца ассоциируется с расставанием, уходом от хаоса, выходом солнца из темноты, соответственно, гора Лимао есть олицетворение начала пути солнца по небосводу, что непосредственно связано с восходом.

Гор, связанных с заходом солнца, насчитывается всего семь, преимущественно в разделах, посвященных Западу, а именно в «Каталоге Великих пустынь Запада». Иероглифы в названиях могут иметь значения ‘ворота’, ‘свет’, ‘заканчивать’, ‘закрывать’. «Шаньхайцзин» фиксирует традицию записи гор, признанными небесными стержнями, где находились небесные врата: «*В Великой пустыне лежит гора под названием гора Солнца и Луны. Это – Небесный стержень. В небесные ворота Узюй заходят солнце и луна*» [3 с. 152].

Единственная гора, откуда одновременно восходят и заходят солнца и луна, является Фаншань (方山, Квадратная Гора) [3, с. 150]. Ее название очевидно связано с культом земли. На вершине растет сосна (柅格, *цзюйгэ*) [10]. Одним из древних значений иероглифа 格 *гэ* является ‘медная решётка (для казни сожжением заживо)’ [1]. Отсюда можно сделать предположение, что место у этой сосны было чем-то вроде местом казни у той или иной народности за проступки человека (например, нарушение табу). Возможно, по той причине, что вершина горы, можно сказать, считалась жилищем солнца, поскольку оно каждый день выходило оттуда и обратно возвращалось. И также

смоем еще предположить, что сосна может выступать как некий тотем, так как не поддавалась палящим лучам солнца (т. е. суровым погодным условиям), из чего следует ее символизм долголетия.

Обращает внимание то, что солярные мотивы встречаются в главах, связанных с Востоком, Западом и Югом. И. С. Лисевич, анализируя образы Трех Владык (三皇): Фуси, Нюйва, Яньди/Чжунюнь/Суйжэнь, утверждает, что все персонажи в этой системе связаны со стихией огня, а, следовательно, и с культом Солнца [7, с. 263]. Связь двух культов Э. М. Яншина иллюстрирует обрядом возжжения ритуальных костров в дни зимнего и летнего солнцестояний, осеннего и весеннего равноденствия [9, с. 107]. И. С. Лисевич соотносит каждого персонажа с одной из сторон света: Фуси – Восток, Нюйва или Суйжэнь – Запад, а Яньди и Чжунюнь – Юг. Опираясь на древнекитайские памятники, он обнаруживает, что такое размещение Владык по сторонам света повторяет последовательность смены их власти, которая происходит по часовой стрелке: Восток – Юг – Запад – Восток. Отсюда ученый делает вывод, что миф о «Трех Владыках» воплощает в себе идею движения солнца [7, с. 263].

Суммируя всё выше сказанное, можно сделать вывод, что «Шаньхайцзин» является памятником с наиболее архаичными солярными представлениями, что выделяет его из ряда других древних китайских сочинений. По записи «Каталога гор и морей» самые древние солярные мотивы связаны с образами деревьев (Шелковица Фу, дерево Фу), птиц (воронов), в виде антропоморфных или полуантропоморфных существ (Сихэ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 20.01.2024.
2. *Геннеп, А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. Ю. Е. Ивановой, А. В. Покровской. – М. : Восточная литература, 1999. – 198 с.
3. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. – 2-е изд., испр. – М. : Наталис : Рипол Класик, 2004. – 349 с.: ил. – (Восточная коллекция).
4. *Кравцова, М. Е.* История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань, 1999. – 416 с.
5. *Рифтин, Б. Л.* От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. – М. : Наука, 1979. – 364 с.
6. *Серкина, А. А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма / А. А. Серкина. – М. : Наука, 1973. – 132 с.
7. Теоретические проблемы восточных литератур: сб. ст. / АН СССР, ин-т востоковедения ; редкол.: З. Берзинг [и др.]. – М. : Наука, 1969. – 416 с.
8. *Юань, Кэ.* Мифы Древнего Китая / Кэ Юань. – М. : Наука, 1965. – 528 с.
9. *Яншина, Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Наука, 1984. – 248 с.
10. 山海經 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctext.org/shan-hai-jing>. – Дата доступа: 03.02.2024.

Информация об авторе:

Журко Лидия Сергеевна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.